

УДК 347.2/.3

UDC 347.2/.3

12.00.00 Юридические науки

Legal sciences

**ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ
ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ВЕЩНЫХ ПРАВ**

**ABUSE OF RIGHT IN THE CASE OF
PROPRIETARY RIGHTS**

Ветер Никита Юрьевич
аспирант

Veter Nikita Yurevich
postgraduate student

*Кубанский государственный аграрный университет,
Краснодар, Россия*

*Kuban State Agrarian University,
Krasnodar, Russia*

Статья посвящена одной из наиболее спорных категорий юридической науки – злоупотреблению правом. Закон не допускает осуществление вещных прав с намерением нанести вред иному лицу, а также злоупотребление правом в иных формах, в том числе в форме обхода закона. Автор рассматривает как уже известные проблемы применения принципа недопустимости злоупотребления правом, так новые в связи с внесением изменений в Гражданский кодекс РФ. В частности исследован принцип добросовестности как основополагающий принцип для гражданского права. В статье исследуются вопросы о сущности и правовой природе злоупотребления правом в вещных правоотношениях, а также понятия обхода закона с противоправной целью как формы злоупотребления правом. На основе проведенного исследования предлагается авторское понятие злоупотребления вещным правом. Делается вывод, что правильная интерпретации категорий «субъективное вещное право» и «охраняемый законом интерес» является ключевым моментом для понимания сущности злоупотребления правом при осуществлении и защите вещного права является. Добросовестность, равно как и разумность являются пределами надлежащего правомерного поведения субъекта вещного правоотношения, нарушения которых позволяет определить признаки злоупотребления субъективным гражданским правом

The article is devoted to one of the most disputable categories of jurisprudence – to abuse by the right. The law does not allow the exercise of property rights with the intent to harm another person, as well as abuse of rights in any form, including in the form of circumvention of the law. The author considers the already known issues with the application of the principle of the inadmissibility of abuse of the right, as well as the new ones in connection with the amendments to the Civil code of the Russian Federation. In particular, we investigate the principle of good faith as a fundamental principle for civil rights. The article is devoted to the question on the essence and the legal nature of circumvention of the law in the property-legal relations, as well as the notion of circumvention of the law with unlawful purpose as a form of abuse of right. On the basis of the study the article presents the author's notion of circumvention of the proprietary right. The author made a conclusion that the correct interpretation of the categories of "subjective property law and protected by law interest" is the key to understanding the term of abuse of right in the exercise and protection of property rights. The conscientiousness of participants of civil relations, as well as the intelligence is the proper limits of lawful behavior of the subject property relationship, the breaking of which allows detecting the signs of abuse of subjective civil law

Ключевые слова: ОБХОД ЗАКОНА;
ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ; СУДЕБНОЕ
УСМОТРЕНИЕ; ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТИВНЫХ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ; ОТКАЗ В ЗАЩИТЕ ПРАВ;
ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ УЧАСТНИКОВ
ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Keywords: CIRCUMVENTION OF LAW; ABUSE
OF RIGHTS; JUDICIAL DISCRETION; BORDER
SUBJECTIVE CIVIL RIGHTS; DENIAL OF
RIGHTS PROTECTION; CONSCIENTIOUSNESS
OF PARTICIPANTS OF CIVIL RELATIONS

Вещное право как юридическая конструкция опосредует правовую связь между субъектом гражданского права и вещью как объектом гражданских прав. Выраженная в нормах гражданского права, обозначенная правовая связь обеспечивает предоставление юридического господства лица над конкретной вещью, обеспечивает удовлетворение его

частноправового интереса в отношении принадлежащей ему вещи. В тоже время В.П. Камышанский верно отмечает, что собственность можно рассматривать и как совокупность возможных действий по отношению к вещи, обусловленную ее потребительскими свойствами, способностью удовлетворять потребности отдельно взятой личности, их объединений и общества в целом [8]. Поэтому институт вещных прав в гражданском праве в настоящее время призван удовлетворить как частноправовой интерес титульного владельца, так и публичный интерес других субъектов гражданских прав.

Содержание субъективного вещного права как разновидности гражданского права также образуют такие категории как – «свобода» и «интерес». Более того обозначенные правовые и философские категории являются его сущностными моментами для определения концепции злоупотребления субъективным вещным правом. Одновременно рассматриваемая правовая конструкция вещного права включает в себя сформулированный в императивном виде запрет, выраженный в недопустимости нарушения юридического и фактического господства над вещью. В этом смысле подчеркивается абсолютно-правовая природа вещного права.

Таким образом, не допускается осуществление вещных прав сугубо с намерением нанести вред иному лицу, а также злоупотребление правом в иных формах, в том числе в форме обхода закона. В науке права определения термина «обход закона» изучались учеными в рамках концепции злоупотребления правом [1,2,3,4,5,6,7]. Тем не менее, несмотря на длительную историю права, термин «обход закона» в большинстве национальных законодательств так и не был закреплен. Во многом такой подход развитых правопорядков объясняется слишком абстрактным (оценочным) характером содержания этого понятия.

Злоупотреблением субъективным вещным правом следует понимать как предел осуществление гражданского права, как допустимую меру свободы действий субъекта вещных правоотношений при выборе варианта реализации своих возможностей, заключенных в содержании субъективного вещного права для удовлетворения своего частноправового интереса. Надлежащее же осуществление вещного права должно быть соразмерно с индивидуальным пониманием социальных и правовых ограничений. Безусловно, любые права и обязанности (как содержание правоотношений) имеют смысловое значение только при наличии обладателя соответствующего права, полномочия и круга тех благ и объектов, которые являются основой для построения правовых связей между участниками соответствующих правоотношений.

В рамках рассматриваемой нами проблематики необходимость рассмотрения вопроса о содержании вещных отношений, связанного с видом, объемом предоставляемых прав и полномочий, а также пределами их осуществления, имеет прямую зависимую связь с проявлением злоупотребления участниками вещных отношений. Изучение механизма осуществления вещных прав и полномочий позволит выявить те стадии, на которых правомерное действие переходит в обход закона, а также классифицировать иные формы злоупотребления правом в вещных правоотношениях.

Реализация вещного права связана с непосредственным воздействием субъекта на вещь. Поэтому *собственно удовлетворение частноправового интереса субъекта вещного права* происходит за счет его собственных действий и ограничено его частным усмотрением. По мнению К.П. Победоносцева, «право на вещь возбуждает безусловную всеобщую отрицательную обязанность относительно хозяина вещи не делать ничего, что могло бы нарушить право. Эта обязанность одинаково лежит на всяком, кто не сам хозяин» [9].

В целом можно констатировать, что особенности восприятия отечественной наукой понятия, признаков и системы вещных прав в первую очередь следует связать с довольно длительным отсутствием в отечественном законодательстве развернутой регламентации отдельных институтов вещного права: права собственности на земельные участки; права владения; ограниченных вещных прав. В тоже время в рамках нашей проблематике нас более интересует не столько вопрос о понятии и признаках вещного права, сколько сущностное различие между субъективным вещным правом и законным интересом в вещно-правовой сфере. Злоупотребление правом, понимаемое нами как предел осуществления субъективного вещного права, рассчитано на удержание поведения субъекта при осуществлении его субъективного права в четко ограничиваемых рамках.

Для определения этих границ важно понимать различия в гарантированности степени удовлетворения интересов владельцев субъективного вещного права и субъектов законного интереса в области вещного права. Безусловно, уровень такой законодательной гарантированности различен.

В самом общем виде законный интерес – это интерес, не противоречащий закону и базовым принципам гражданского права. Однако количество интересов существенно больше количества правовых норм, а система гражданского права является динамичной и развивающейся, и ей необходимо ориентироваться на новые интересы, которые могут возникать в процессе развития общества, и постоянно отслеживать их. А для адекватного отражения того или иного конкретного интереса в праве требуется время.

Следует сразу же отметить, что мнение, согласно которому интерес является содержанием всякого субъективного права не представляется верным потому, что интерес является целью (и поэтому предпосылкой),

средством для достижения которой в большинстве случаев является субъективное право. Понятие интереса нередко соединяют с понятием права в некоем едином феномене в качестве объекта правовой охраны и защиты.

Субъективный фактор в феномене интереса связан как с его психологической основой, так и со сферой применения в области субъективного права, где важна, как уже было сказано, фиксация принадлежности интереса индивидуально определенному лицу, на что указывает притяжательное местоимение «свой». Интерес, признаваемый большинством исследователей как побудительная причина любых действий, содержит в себе целевой элемент, в отличие от желания, которое может быть неосознанным, а лишь эмоционально ощущаемым [10].

С нашей точки зрения, интерес в вещном праве базируется на потребности и связан с осознанием потребности, пониманием того, что именно необходимо для ее удовлетворения. Следовательно, речь идет не о конкретной группе интересов в вещном праве, а скорее о некоем психологическом феномене. Поэтому реализация законного интереса в вещно-правовой сфере гарантируется лишь в определенной степени, в то время как возможность, предоставляемая субъективным вещным правом, гарантируется и обеспечивается силой государственного принуждения вследствие прямого указания законодателя.

В качестве дополнительного критерия при размежевании субъективного права и законного интереса можно также использовать структурный критерий. Так в структуре обеих правовых категорий можно обнаружить такие похожие элементы как реализация интереса не запрещенным законом поведением и обращение за защитой нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов. В тоже время у законного интереса в его содержании отсутствуют такие существенные особенности субъективного права, как возможность определенного поведения

управомоченного субъекта и права требовать соответствующего поведения от других лиц.

Именно в связи с отсутствием в содержании законного интереса права требовать соответствующего поведения от других кроется важное отличие данной правовой категории от субъективного вещного права. Главная гарантия защиты законных интересов как раз и закрепляется законодателем в концепции недопущения злоупотребления субъективными правами в вещно-правовой сфере. В противном случае большая гарантированность защиты охраняемого законом интереса привела бы к смещению интересов обладателей вещных субъективных прав в пользу защиты законных интересов других лиц, которые как мы выяснили ранее, должным образом в законе объективироваться не могут (и не должны) в виду оценочной и во многом субъективной правовой природы последних.

Таким образом, вопрос об установлении признаков обхода закона и злоупотребления правом при осуществлении вещных прав может быть разрешен путем размежевания интересов титульных владельцев вещных прав и обладателей охраняемых законом интересов в исследуемой области. Представляется, что коллизии при столкновении обозначенных разнонаправленных интересов должны разрешаться исходя из критериев адекватности и целесообразности реализации частноправового интереса при осуществлении субъективного вещного права, принципов добросовестности и разумности, и соблюдения иных пределов допустимой свободы действий субъекта при выборе варианта осуществления его субъективного вещного права.

В первую очередь добросовестность в вещных правоотношениях большинство исследователей рассматривает как неотъемлемую характеристику владения[11]. Одновременно сам термин «владение» в доктрине гражданского права относится к числу малоисследованных и

дискуссионных. В современном российском гражданском праве понятие владения используется в виде правомочия, которое входит в состав других субъективных гражданских прав – вещных или обязательственных. Использование же термина владения в качестве отдельного правового института, а также в качестве факта не характерно для современного гражданского законодательства. В качестве исключений можно назвать статьи ГК РФ о приобретательной давности, другие статьи ГК РФ, размещенные в главе о приобретении права собственности, устанавливающие случаи и условия приобретения права собственности, нормы о наследовании. Таким образом, можно констатировать, что владение как отдельная правовая категория вновь возникла в российском праве.

Определение правомочия владения через физическое обладание в свете новейших изменений гражданского законодательства может быть сведено к тому, что правомочие владения является физическим владением. Следует отметить, что в Концепции развития гражданского законодательства, а также в проекте ГК РФ обладание и владение понимаются как понятия тождественные. Однако такое уравнивание не раскрывает сущности правомочия владения, это не показывает того, как это правомочие реализуется в действительности. Можно прийти к выводу, что в ходе действующей реформы гражданского права отечественный законодатель также откажется от традиции придавать праву собственности триаду правомочий. В тоже время не исключено, что существующая триада правомочий перейдет в определение вещного права.

При диалектическом исследовании фактов того как может проявляться злоупотребление владением, и может ли признаваться злоупотреблением недобросовестное осуществление правомочия владения вне рамок конкретного субъективного вещного права, можно обнаружить следующие противоречия. Изначально правомочие владения во вне не

проявляется никак, за исключением того, что субъект правомочия владения может требовать устранения вмешательства третьих лиц в сферу его фактического господства над вещью. Представляется, что субъективная обязанность неопределенного круга лиц воздержаться от нарушений владения корреспондирует субъективному праву в целом, а не правомочию. Проблема состоит в том, что в литературе теории права не рассмотрен вопрос о том, возможно ли существование субъективных обязанностей, корреспондирующих правомочиям как элементам сложных субъективных прав. Представляется правильным признать, что обязанность должна соответствовать субъективному праву в целом, а не правомочию. Поэтому злоупотребление правом в области вещных правоотношений проявляется в нарушении пределов осуществления вещного права в целом, в которое входит, в том числе, и правомочие владения. Всякое физическое господство в реальности и в своей сущности представляет собой то или иное пользование вещью. Поэтому правомочие владения, входящее в состав вещных прав является лишенным своего реального материального содержания. Таким образом, пассивная обязанность не нарушать всевозможные действия по пользованию объектом права опять же, следует повторить, касается в целом субъективного вещного права.

В ходе исследования правовой природы владения в гражданском праве в рамках исследования проблематики злоупотребления правом при осуществлении вещного права, можно прийти к выводу, что беститульное владение в настоящее время не является самостоятельным субъективным гражданским правом. Соответственно оно может пониматься как охраняемый законом интерес владельца. Представляется верным, что владение представляет для самого субъекта законный интерес, как проявление его отношения к вещи как к «своей». Законный интерес владельца достигается путем простого фактического отношения. Причем

здесь имеется в виду закрепление владения в объективном праве не как субъективного права. Объективное право также может закреплять законные интересы, которые не образуют правоотношений и принадлежат конкретному субъекту права.

В тоже время беститульный владелец может пользоваться и распоряжаться вещью в пределах, не нарушающих чьи-либо субъективные права и нормы объективного права. Одновременно в виду отсутствия в правомочии владения элемента требования соответствующего поведения от других лиц, гарантия защиты законных интересов беститульного владельца как раз и закрепляется законодателем в концепции недопущения злоупотребления субъективными правами в вещно-правовой сфере. Таким образом, феномен злоупотребления может относиться только к категории субъективных вещных прав.

При осуществлении права собственности могут сталкиваться интересы собственника и других лиц – обладателей вещных или обязательственных прав, а также лиц, интересы которых не основаны на субъективном праве, но не противоречат закону, например, беститульных владельцев. В данном случае речь идет о конфликте интересов субъектов вещных правоотношений. Например, интересы разных собственников, интересы соседей, интересы собственника и арендатора его вещи, интересы собственника и владельца.

Не менее важно исследовать категорию «добросовестность» как основной критерий при нарушении пределов осуществления субъективного вещного права. Следует отметить, что в силу оценочной правовой природы категория «добросовестность» не может быть определена или иным образом конкретизирована в ГК РФ. Гражданское законодательство прямо требует от владельца осуществления своих прав в соответствии с принципом доброй совести (п. 1 ст. 234 ГК РФ), но в случае защиты им своих прав, его добросовестность будет предполагаться (п. 3 ст.

10 ГК РФ). В этой связи при рассмотрении ее как предела осуществления субъективного вещного права, нарушение которого влечет злоупотреблением субъективным правом, следует исходить из выработанных доктриной и практикой критериев определения добросовестности.

Стоит отметить и существенное влияние на формирование содержания принципа добросовестности со стороны морально-нравственных норм, что даже позволяет говорить некоторым исследователям о формировании подсистемы моральных принципов гражданского права [12]. Одновременно моральные критерии добросовестности означают, по сути, чрезмерно завышенные ее критерии, которые скорее вредны для гражданского оборота, чем полезны. С нашей точки зрения более правильно будет определять категорию «добросовестность» в объективном смысле сквозь призму ее этического содержания.

Для целей гражданского права добросовестность является критерием осуществления гражданских прав и обязанностей, который состоит в извинительном незнании объективных препятствий, существующих на пути к достижению преследуемой юридической цели. По сути, этот подход восходит к идее юридической справедливости, в соответствии с которой никто не должен пренебрегать чужими интересами, если претендует на защиту собственных.

Речь, таким образом, идет об определенной совокупности качеств (свойств) поведения участников отношений, регулируемых гражданским правом. Необходимо отметить, что закон исходит из того предположения, что в повседневной хозяйственной практике физические и юридические лица ведут себя добросовестно. В этом смысле, на наш взгляд, и следует понимать требование добросовестности, которое упоминается в п. 2 ст. 6 ГК РФ. Эта норма имеет четкую системную связь с положением п. 5 ст. 10

ГК РФ о презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений. Действительно, законодатель не может положить в основу гражданско-правового регулирования идею о том, что субъекты гражданского права всегда совершают неправомерные действия либо ведут себя неразумно или неосмотрительно.

Однако положение п. 5 ст. 10 ГК РФ содержит не только презумпцию добросовестности, но и другое принципиальное законодательное предписание, а именно норму, позволяющую определить место добросовестности в системе гражданско-правового регулирования общественных отношений. В связи с этим не вызывает сомнения, что добросовестность является отраслевым принципом гражданского права. Данная законодательная формулировка, по сути, содержит критерий злоупотребительного поведения субъекта гражданского правоотношения – недобросовестные действия, нарушающие пределы осуществления гражданских прав.

Обозначенные теоретические подходы показывают фундаментальный характер категории «добросовестность» в гражданском праве. Широта и неопределенность содержания оценочного понятия «добросовестность» предполагает существование множества научных и доктринальных определений, в которых делаются попытки отразить различные проявления данного феномена в праве.

Итак, злоупотребления при осуществлении субъективного вещного права проявляются в следующих аспектах:

1) Субъективное вещное право как предоставленная и обеспечиваемая государством и правом мера дозволенного поведения наделяет лицо свободой самоопределения и отражает волевой аспект. Поэтому надлежащее осуществление субъективного вещного права также может определяться через категории «дозволенность» и «возможность».

2) В науке гражданского права также разработана теоретическая модель правомерного осуществления субъективных гражданских прав, основными факторами, влияющими на формирование которой, являются принципы и пределы осуществления гражданских прав.

В.П. Камышанский в связи с этим верно заметил, что «введение принципа разумности и добросовестности дополнительно позволяет исключить поведенческие стереотипы «зловредности» в действиях собственника. Гарантированное законом право собственности, пишет далее автор, имеет свои пределы, определяемые в конечном счете необходимостью защиты прав и законных интересов третьих лиц от недобросовестных действий собственника» [13].

Добросовестность, равно как и разумность являются пределами надлежащего правомерного поведения субъекта вещного правоотношения, нарушения которых позволяет определить признаки злоупотребления субъективным гражданским правом. В объективном смысле, обладая нравственной и этической составляющей, эти критерии выступают принципами гражданского права как представления субъектов гражданского правоотношения о том или ином социальном и правовом явлении на основе личного усмотрения. Исходя из такого понимания, можно прийти к выводу, что для целей определения признаков злоупотребления при осуществлении и защите вещного права добросовестность это внешний критерий оценки действия субъекта гражданского права, а разумность – внутренняя осознанная необходимость соотносить такие действия с правами и законными интересами других участников вещного правоотношения. Таким образом, единство соблюдения таких критериев как добросовестность и разумность будет указывать на отсутствие злоупотребления в вещно-правовой сфере.

3) Формирование правовых ограничений субъективного вещного права так же приводит к выработке надлежащего механизма его

реализации. На наш взгляд, под правовыми ограничениями субъективного вещного права необходимо понимать элементы механизма правового регулирования, направленные на установление пределов (границ) дозволенного поведения субъектов вещного права. Правовые ограничения, таким образом, очерчивают сферу возможного поведения.

Представляется, что наиболее общим пределом надлежащего осуществления вещного права выступать запрет на осуществление действий, направленных исключительно на причинение вреда другому лицу (п. 1 ст. 10 ГК РФ). Установленное в п. 2 ст. 1 ГК РФ требование учитывать субъективные права третьих лиц представляет собой границу субъективного вещного права. Из этого следует, что пределы субъективного вещного права – это определенные законом общие границы свободы субъектов этого права в осуществлении принадлежащих им правомочий. Таким образом, понятия «границы» и «пределы» осуществления права представляют собой синонимичные понятия, но отличаются от термина «правовое ограничение».

Ограничения, налагаемые на титульного владельца, прежде всего, затрагивают элементов принадлежащего ему вещного права. Таким образом, ограничение права существует внутри самого субъективного вещного права. Правовые принципы, в том числе запрет злоупотребления правом, являются своеобразными пределами усмотрения титульного владельца, а закрепление в законе обязанности действовать разумно и добросовестно является границей (пределом) осуществления вещного права.

По словам В.П. Камышанского, разумность и добросовестность играют ограничительную функцию по отношению к праву собственности. Усмотрение в действиях собственника предполагает разумность и добросовестность при осуществлении права собственности. Они позволяют расширить гражданско-правовую доктрину злоупотребления

правом в виде шиканы введением запретов на злоупотребление правом в иных формах. Принцип разумности и добросовестности ограничивает право собственности при осуществлении того, что дозволено собственнику[14].

В заключение отметим, что правильная интерпретации категорий «субъективное вещное право» и «охраняемый законом интерес» в вещном правоотношении является ключевым моментом для понимания сущности злоупотребления правом при осуществлении и защите вещного права является.

Субъективное вещное право это мера дозволенного и обеспеченного правом поведения, принадлежащая субъекту вещного правоотношения, которая предоставляет удовлетворение интереса за счет его собственных действий, направленных на непосредственное воздействие на вещь (имущество) и ограниченного его частным усмотрением. Под законным интересом предлагается понимать не противоречащую закону и охраняемую им, но не опосредованную субъективным гражданским правом, юридически обеспеченную возможность субъекта гражданских правоотношений совершать какие-либо действия или воздерживаться от их совершения в целях удовлетворения своих потребностей при достижении правового результата в вещно-правовой сфере.

Не должны признаваться злоупотреблением правом такие действия субъекта гражданских правоотношений, когда он добросовестно и разумно в рамках своего усмотрения и соблюдая, социальные и правовые ограничения, ущемляет порождаемые субъективным гражданским правом, но не обеспеченные конкретным правомочием законные интересы других лиц. С учетом обозначенной позиции, не следует рассматривать как злоупотреблением правом нарушение законного интереса беститульного

владельца, в силу того что беститульное владение субъективным гражданским правом не является.

Литература:

1. Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное (вопросы соотношения) // Власть закона. – 2013. – № 4. – С. 19-23.
2. Камышанский В.П. Категория «обход закона» в российском гражданском праве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ) [Электронный ресурс]. Краснодар: КубГАУ, 2014. – № 07 (101).
3. Волков А.В. Понятие «обход закона» – новые подходы в гражданском праве // Власть закона. – 2013. – № 1 – С. 22-46.
4. Волков А.В. О действиях «в обход закона» в Проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Власть закона. – 2010. – № 4. – С. 33-40.
5. Волков А.В. О злоупотреблении правом в «обход» закона» // Власть закона. – 2010. – № 1 – С. 62-73.
6. Цыбуленко З.И. Новое в ГК РФ о заключении сделок // Власть закона. – 2013. – № 4. – С. 43-46.
7. Диденко А. А. Понятие гражданского законодательства с позиции системного метода исследования // Власть закона. – 2014. – № 1. – С. 72.
8. Камышанский В.П. Актуальные проблемы права собственности: Учебное пособие. – Краснодар: НОУ ВПО ИНЭП, 2008. – С. 3.
9. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: Вотчинные права. Ч. 1. – СПб.: Синод. тип., 1896. – С. 113.
10. Рыженков А.Я. Действие своей волей и в своем интересе как принцип гражданского законодательства // Юрист. – 2014. – № 16. – С. 17.
11. Карнушин В.Е. Беститульное владение и его защита. – М.: Статут, 2015. – С. 36.
12. Диденко А.А. Основные тенденции развития современной системы источников гражданского права России. // Научный журнал КубГАУ [Электронный ресурс]. — Краснодар: КубГАУ, 2010. - № 62(08).
13. Камышанский В.П. Право собственности на недвижимость: вопросы ограничений / В.П. Камышанский. – Элиста: Джангар, 1999. – С. 67-69.
14. Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения / В.П. Камышанский; Науч. ред.: П.М. Филиппов. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – С. 12-13.

References

1. Kamyshanskij V.P., Veter N.YU. Obhod zakona i zloupotreblenie pravom: obshchee i osobennoe (voprosy sootnosheniya) // Vlast' zakona. – 2013. – № 4. – S. 19-23.
2. Kamyshanskij V.P. Kategoriya «obhod zakona» v rossijskom grazhdanskom prave // Politematicheskij setevoj ehlektronnyj nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyj zhurnal KubGAU) [EHlektronnyj resurs]. Krasnodar: KubGAU, 2014. – №07(101).

3. Volkov A.V. Ponyatie «obhod zakona» – novye podhody v grazhdanskom prave // Vlast' zakona. – 2013. – № 1 – S. 22-46.
4. Volkov A.V. O dejstviyah «v obhod zakona» v Proekte izmenenij Grazhdanskogo kodeksa RF // Vlast' zakona. – 2010. – № 4. – S. 33-40.
5. Volkov A.V. O zloupotreblenii pravom v «obhod» zakona» // Vlast' zakona. – 2010. – № 1 – S. 62 – 73.
6. Cybulenko Z.I. Novoe v GK RF o zaklyuchenii sdelok // Vlast' zakona. – 2013. – № 4. – S. 43-46.
7. Didenko A. A. Ponyatie grazhdanskogo zakonodatel'stva s pozicii sistemnogo metoda issledovaniya // Vlast' zakona. – 2014. – № 1. – S. 72-83.
8. Kamyshanskij V.P. Aktual'nye problemy prava sobstvennosti: Uchebnoe posobie. – Krasnodar: NOU VPO INJeP, 2008. – S. 3.
9. Pobedonoscev K.P. Kurs grazhdanskogo prava: Votchinnye prava. Ch. 1. – SPb.: Sinod. tip., 1896. – S. 113.
10. Ryzhenkov A.Ja. Dejstvie svoej volej i v svoem interese kak princip grazhdanskogo zakonodatel'stva // Jurist. – 2014. – № 16. – S. 17.
11. Karnushin V.E. Bestitul'noe vladenie i ego zashhita. – M.: Statut, 2015. – S. 36.
12. Didenko A.A. Osnovnye tendencii razvitija sovremennoj sistemy istochnikov grazhdanskogo prava Rossii. // Nauchnyj zhurnal KubGAU [Jelektronnyj resurs]. – Krasnodar: KubGAU, 2010. – № 62 (08).
13. Kamyshanskij V.P. Pravo sobstvennosti na nedvizhimost': voprosy ogranichenij / V.P. Kamyshanskij. – Jelista: Dzhangar, 1999. – S. 67-69.
14. Kamyshanskij V.P. Pravo sobstvennosti: predely i ogranichenija / V.P. Kamyshanskij; Nauch. red.: P.M. Filippov. – M.: Zakon i pravo, JuNITI-DANA, 2000. – S. 12-13.